

ПОЛИНА ТАБАГАРИ
КОГДА НЕ ЛЮБЯТ

**СБОРНИК
РАССКАЗОВ**

Полина Табагари
Когда не любят.
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22472194
ISBN 9785448356223*

Аннотация

Девятнадцать историй о том, что случается, когда не любят: предают, обманывают, изменяют. Дети, муж, друзья, собственное тело и даже любимый цветок. И на место любви приходят страдание и боль. Но у героев даже в катастрофичных ситуациях и жизненных драмах остается надежда. А ее много не бывает.

Содержание

Бег тебе на здоровье	5
Не светит	17
Палермо, я все еще люблю	19
Палка	42
Говорят...	44
Зачем я тебе?	50
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Когда не любят Сборник рассказов

Полина Табагари

Дизайнер обложки Марина Плахова

© Полина Табагари, 2017

© Марина Плахова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-5622-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бег тебе на здоровье

Я не люблю бегать. Для меня это сродни пытки. И не сказать, что я каких-то слишком пышных форм. Так, набралось в университете пару-тройку лишнего, но вот школе я была Дюймовочкой-пушинкой. По росту, правда, – предпоследней. Последней в шеренге всегда оставалась Людка. Хотя только по физре, в других областях она блистала. А я... Вечный такой середнячок.

Но особенно плохо мне удавался бег и сдача нормативов. Мне-то кажется, что двигаюсь максимально быстро. Активно размахиваю руками для ускорения, семеню ногами, дышу часто-часто и отпрыгиваю от земли сильно-сильно и все равно прихожу к финишу последней.

А в спринте? Ну, помните, когда тебя ставят с разными партнерами, и потом бежишь на короткой дистанции с бегуном своего уровня. Уверена, если бы в классе был хромой или совсем невезучий тип со сломанной ногой, он и тогда бы меня с легкостью обогнал.

Но хуже соревновательности, это то, во что меня превращал бег. Пяти минут дергательных скачков хватало, чтобы мое милое симпатичное личико багровело, становясь похожим на красный поблескивающий шар для боулинга с единственным отличием – белыми зрачками глаз вместо отверстий для пальцев. В общем, бег – не моя история.

Во-вторых, я ненавижу болеть. В том смысле, что после того, как тебя заподозрят в недомогании, тебя же начнут лечить! А вот этого я как раз терпеть не могу. Моя мама – фанатка средств нетрадиционной, как я ее называю «нездоровой медицины», и практически полностью отрицающая аптечные коробочно-ампулочные, свечные и другие фармпрепараты. Все детство я провела на банках, самодельных горчичниках, с распаренными ногами, в махровых носках, холодных компрессах, обтираниях и обливаниях по утрам. Подросла, вот тебе для поддержания иммунитета – двадцать капель эхинацеи в чай. Взбодриться? Экстракт элеутерококка. Расстроили на работе – мама несетя с коктейлем – пион, пустырник, валерьянка. Хотя надо отдать ей должное: ничем серьезным за все детство я не переболела.

Только на первом курсе университета узнала, что такое анальгин. Пожаловалась подруге, что надо было в термос заварить отвар плодов боярышника, а то все утро раскалывается голова. Та перекрестилась, дала таблетку и отвела в настоящую аптеку. Это стало откровением. Если я и заходила с мамой в стеклянно-пузыречное царство, то только в гомеопатическую, где такие же любительницы натурпродуктов отоваривались травами, настойками и сухоцветами.

Помню еще мамин культурный шок, когда шли трансляции программ Малахова. Она обвиняла его в шарлатанстве, писала разоблачительные письма в редакцию с требованием убрать обманщика с экрана. Какие травы они там не поде-

лили, и в чем провинился бедный Геннадий Петрович, так и осталось загадкой. Знаю одно – в вопросах природных медикаментов маме не было равных.

А потом мамочка заболела по-настоящему. Мы одновременно это почувствовали. Она перештудировала все книги по целебной медицине, искала ответы в интернете, в библиотеке, обзванивала подруг, перепробовала все народные способы, но хирела на глазах. Мама, хоть и с причудами, но все-таки с головой, поэтому поддалась на уговоры переступить порог больницы (частные клиники – она отрицает в принципе, «припишут тебе болезни, которых нет, а потом будут доить, пока все не продашь»). Врач в испачканном, давно небелом халате, выдав стопку бланков, устало направила маму на сдачу анализов. Две недели ушло, чтобы эту пачку разобрать и все мамины органы с их содержимым проверить.

Диагноз – ревматоидный артрит. Мама сникла. Требовались недешевые лекарства. Травками и настойками не отделаешься. Я решительно заявила, что завтра же пойду к начальству просить повышения. Не зря же 7-й год старательно тружусь на благо компании.

Наш начальник, Олег Юрьевич Шац, как мы его называем – мальчик-везунчик Олежка: с улыбочкой мартовского кота меня выслушал, покивал, сказал подумает, обсудит с вышестоящим руководством и отправил восвояси, работать.

К вечеру на корпоративную почту пришла рассылка: че-

рез четыре месяца состоится праздничный марафон, посвященный десятилетию компании. Все сотрудники приглашаются к участию.

В кабинет вбежал взволнованный и раскрасневшийся Олежка, завел привычную шарманку про то, что люди – главный ресурс компании, как ценит нас руководство, что нужно повышать корпоративную культуру, «мы должны объединиться в эти непростые времена» и даже что-то про советские годы и ГТО. Но главным было то, что победителям забега выдают внушительный денежный приз. За первое место – уж, совсем неприличная сумма, но и с серебром можно существенно облегчить себе жизнь на пару месяцев вперед.

«А вам, Антонина Николаевна, стоит поддержать сие мероприятие, если вы настроились на повышение», – сладеньким голоском пропел начальник.

Весь отдел вопросительно посмотрел на меня.

«Я всегда была карьеристкой, – парировала я, – тайной», – и плюхнулась на скрипучий расшатанный стул.

Бежать – только не это! Как так?! Почему все то, чего стараешься избегать (о, Боже, и тут корень «бег») в жизни, настигает с неожиданной стороны?! Какой-то пинок в сиделище для ускорения получается. И выбор: бежать или не бежать? Позориться или избежать позора?

Я прокручивала немую сцену в отделе под конец дня, задавалась глобальными вопросами о смысле жизни и бега:

«Почему все так?», «Как могло бы быть по-другому?», пока брела до квартиры. Дома ждала грустная мама. Моя цветущая, бодрая, жизнерадостная мамуля превратилась в воплощение вселенского горя, вековую скорбь.

Годами у нас была традиция. Я возвращаюсь с работы, пока переодеваюсь и принимаю душ, мама накрывает на стол и за семейным ужином мы обсуждаем прошедший день. Смеемся, разговариваем, я делюсь планами на выходные, дружная команда, в общем... Теперь она забаррикадировалась в комнате. Я ем в одиночестве, иду к себе читать или переводить, если есть заказы (спасибо факультету иняза), и ложусь спать.

«Мамочка, мне так тебя не хватает. Твоих шуток, иронии, сарказма. Я скучаю по ворчанию по поводу отсутствия принца и потомства. Тоскую без твоего смеха».

Стучусь – «Мам, можно?»

За стенкой – «Давай завтра поговорим».

«Хорошо».

Попытка вернуть прежнюю маму в очередной раз провалилась.

Нет, стоп! Так продолжаться не может. Эта не самая страшная болезнь. Любая неприятность, казалось бы, чудовищно несправедливая – повод встряхнуться, взглянуть на происходящее под другим углом, пересмотреть ценности. Или что там еще гуру по саморазвитию внушают? Я с ними согласна – неприятная встряска получится, но необходимая. Пока

живы – шансы есть! А с такой дочерью шансища поменять к лучшему.

Если мама перестала быть оптимисткой, значит, я стану ею вдвойне.

Старт дан

– Я участвую в соревнованиях, Олег Юрьевич, запишите меня, пожалуйста, – я была горда и уверена собой, стоя напротив мальчика-везунчика.

– Мудрое решение, Антонина, – и мой начальник расплылся в улыбочке. – Советую начать с тренировок. Я набираю команду как раз. Встречи по средам и субботам. Утром. Придете? – все тем же деланно ласковым голоском промурлыкал Олежка, неприлично приблизившись в зону моего личного пространства.

– С удовольствием, – промямлила я, отшатнувшись.

Вот угораздило! Олежки и в течение дня хватает! Теперь по утрам и в выходные видеть, слушать, терпеть эту руководяще дрожащую речь? Бррр. Хотя, если откровенно признаться, как только пришла на работу, он мне понравился. Весь такой ухоженный, гладенький, прям мальчик-паинька: спрятать и беречь. И слова-то у него правильные, и поступки. «Мы не просто коллектив – мы одна семья». Думаю, на полгода я в него беспросветно втрескалась. Таких дурех, как выяснилось, пол компании. Млеют по нему. Вон, Ленка-секретарша, точно сохнет какой год подряд. Еще бы?! 35 лет, а он

уже крупный начальник энергосбытовой компании, симпатичный, воспитанный, начитанный, умеет слушать. С ним надо за каждым словом следить, он почти наизусть запоминает сказанное. Ну, страшный же человек!

В общем, когда узнала про эту любовную статистику, как-то подуспокоилась. На О. Ю. такая очередь воздыхательниц, что если мне и уделят внимание, то к тому времени я выйду из детородного возраста. Будем мечтать о реальном. Скажем, Данила Козловский – отличный парень и актер неплохой.

«Так, в 7.30 на Спартаковском стадионе, Тоня?»

«Да, Олег Юрьевич, обязательно приду», – и я за рекордные 15 секунд выскочила из кабинета.

Главное начать

Я появилась, конечно, но меня там не было. Туда приползло мое тело. Мозг со всем содержимым мирно посапывал в прогретой постельке. Мечтал о Козловском и прочих приятностях. Окончательно я проснулась на планерке с огромной чашкой кофе в руке.

«Хороший старт, Антонина», – подмигнул Олежка на глазах удивленных подчиненных.

Он сейчас поиздевался? Помню, бегу, словно в замедленной съемке передвигающихся тюленей. Кто-то обгоняет по второму кругу. «Догоняй», раздается справа, чья-то рука похлопывает по плечу слева. Невнятный бег я попыталась заменить на уверенный шаг, потому что дышать было опреде-

ленно нечем. Что это за подозрительная одышка в 28? Черт, не хватает воздуха и я снова превращаюсь в сочный помидор вместо лица. В общем, утреннее злосудие, а не тренировка. Скорей бы забыть этот кошмар, а лучше отказаться от затеи.

Попытки-пытки

Утро субботы. Собственно, о моем беге будут складывать легенды. «Самый медленный бегун». «Первое место по красноте». «Лучшее падение года».

Моих позорных памятных моментов, о которых детям-подросткам неловко будет рассказывать, хватило бы на пятерых. Но доставалось почему-то мне одной.

На третьем курсе заставили участвовать в эстафете. Хотя я предупреждала этих чудаков отказаться от меня, как от спортсменши. Наша команда пришла второй с конца. Последней была та, в которой бежал прихрамывающий парень: одну палочку эстафетную он держал в руке, а на другую опирался. Я его обогнала. Это был мой триумф. Но я так выложилась, что на финише плюхнулась на асфальт возле лужи. Ни рукой, ни ногой не в силах пошевелить или отползти. Он проковылял мимо, злобно-агрессивно на меня посматривая. Наверное, я задела его нежное самолюбие. Мое-то это ликовало. Это был единственный случай, когда я дошла до финала невредимой и не последней.

А ноги – это другая печаль. Во время бега они живут

собственной насыщенной жизнью. Вот сегодня старалась концентрироваться на дыхании, как учит мастер джоггинга Олежка, но одна нога, видимо, решив обогнать другую, или обняться они сговорились, сплетаются, закручиваются и туловище больно ударяется о землю. Лежу в грязи, думаю о высоком, раз упала так низко. Вскарabкиваюсь и продолжаю имитировать бег.

Если подумать, то остается пережить еще 16 маленьких позоров и одну большую катастрофу на глазах у коллег, начальства, а, может, и регионального телевидения, читай – всего города. Вдруг стану звездой youtube? Козловский посмотрит ролик, влюбится, найдет меня и увезет с мамой в Москву. Эх... А ведь почти тридцать лет и когда я только повзрослею...

День X (не путать с днем икс)

Утром нанесла тонну тональника и пудры. Мое лицо после усердных косметических стараний смахивало на Панночку из Вия. Ну и ладно, буду красной, прекрасной.

Мама пришла к началу забега меня поддержать. После того как я ввязалась в авантюру с марафоном, тренировками и дополнительными пробежками по утрам, мама сама приободрилась. Колдовала с зельями для повышения тонуса и укрепления организма. Я благодарно пила чудо-отвары из шиповника и женьшеня, следовала рекомендациям. «Лишь бы мамина энергия и энтузиазм вернулись в обычное

взбалмошное состояние», – думалось мне. Мама меня всегда вдохновляла. Так что все не зря. Я справлюсь.

«Тоня, тебе можно и не выигрывать, тебе нужно засветиться. Начальство увидит твой прорыв, целеустремленность и повышение твое», – мама сгребла меня в объятия, сумев даже соприкоснуться пальцами на моей спине.

«Согласна, мамуля», – и я расцеловала маму в обе щеки.

С Богом!

Старт дан.

20 км.

Главное грамотно распределить силы. И сосредоточиться. Вероятно, выиграет, Маринка из пр-службы, они все там шустрые подолгу службы.

Нет, не думай о ней, нужно экономно расходовать энергию и поддерживать темп. Дыхание равномерное и спокойное. Вдох-выдох, вдох-выдох. Что еще там о технике бега вещал этот везунчик? «Помогай себе руками». «Правильно ставь ногу! Приземляйся не на пятку, а передней частью стопы с перекатом на ногу. Толчок носком от земли. Так, защитишь тело от сотрясений и сохранишь поступательное движение». Как же, защитишь!

И ведь почти добежала! Не знаю, сколько было до меня, сколько после. Но я увидела заветный Финиш, вот-вот, совсем близко... И тут чувствую, что начинаю парить, только не ввысь, а что-то резко притягивает меня к земле и я расцеловываюсь своим густо намалеванным лицом с асфальтом.

Господи! Победно рухнуть перед финалом! Ну, как так?!

Надо бы подняться, а я машинально перевернулась на бок и уселась на манер статуи датской русалочки. Правая нога подозрительно искривилась в причудливой позе.

«Перелом, скорей всего», – со знанием дела заключила Маринка, внезапно очутившаяся рядом.

Протянула руку, помогла встать, приобняла и я безропотно поскакала с ней на одной ноге. Олег Юрьевич стоял перед заветной линией и неодобрительно качал головой: «Мол, Тоня, что ж ты подвела отдел». Мне было все равно: хотелось домой и к маме.

Маринка доволокла меня до белой разметки, а там подскочили врачи, непонятно как оказавшиеся, (караулили меня?), отвезли в больницу и наложили гипс.

Вечером в городских новостях состоялся мой звездный час, точнее 15 звездных секунд. Вот показывают, как я бегу, потом резко исчезаю из кадра, оператор теряется на пару мгновений, наводит камеру на меня в полулежащем состоянии и с ошалевшими глазами перед Маринкой. Дальше сцена: я – довольная, она – гордая тащит меня оставшиеся десять метров.

В итоге: компании – пиар, нам – благодарственные письма и небольшие денежные вознаграждения. Победительницами мы не стали. Но мне намекнули на возможное повышение.

Тут я могла бы рассказать, что Олежка все полтора месяца ходил ко мне домой, приносил фрукты и сладости. Мы

поняли, что давно любим друг друга и ему, кроме меня, никто не нужен. Свадьба, дети, все дела... Зачем карьера, когда есть он?!

Навестила через пару дней только Маринка. Оказалось, она тоже поклонница гомеопатии. Принесла ромашку и мяту, чтобы я пила и успокаивалась. Научила делать маски для лица от «внезапной красноты для вечной красоты», по собственному рецепту. Мама от Маринки без ума. Видимо, у меня карма быть с природой на «ты» и всеми ее любителями.

Мама и моя новая знакомая объединили знания. Мы открыли свое маленькое дело по производству натуральной косметики. Первая партия за пару дней разошлась по знакомым. И мы даже сумели немного заработать. Если дела и дальше пойдут хорошо, то с Олежкой и Ко придется распрощаться. Наверное, я и, правда, не карьеристка в привычном понимании этого слова.

Мама вернулась в режим «сумасшедше-шаловой» мамули. Принца я не встретила и даже Козловского. Зато появилась подруга и уверенность – бег мне на пользу.

Не светит

Борис Петрович – главный инженер РЭУ-2 собирался на работу. Голова раскалывалась: вчера он безбожно перебрал. Куда-то идти, общаться с недовольными жильцами? При мысли об этом Борис Петрович криво поморщился. Хотелось на природу, рыбачить и сидеть в тишине. Его успокаивало то, что сегодня он навестит Катю из первой квартиры. Ему не терпелось ее поразглядывать. Екатерина доставляла Борису Петровичу эстетическое удовольствие.

Катина семья затеяла тяжбу с управдомом. В квартире просел фундамент. Суд они логично проиграли, и его бригаду направили на ремонт.

Борис Петрович сверху получил задание все удешевить. Поэтому он виртуозно скакал перед далекими от инженерных тонкостей квартирантами, рассказывая, как устанавливать балки и швеллера. И Катя на планы сэкономить не влияла.

Разговор в квартире №1 с утра не заладился. Мать Кати громко возмущалась. Она и не строитель, но видела халтурную работу приезжих мигрантов. Борис Петрович давил – «Недостатки квартиры, чего вы хотели?». Катя растеряно озиралась на нервную перепалку и изредка вступалась за мать: «Понимаю, вы человек взрослый, опытный, но вы предлагаете глупость». Борис Петрович настаивал и угро-

жал. Катя от бессилия и произвола махнула рукой, и отошла в сторону.

Борис Петрович взревел: «Да, что ты тут мне руками размахалась, крыльями тут не маши». Катя истерично заорала в ответ: «Да, вы ж в моем доме и меня оскорбляете», сжимая диктофон в руке, будто маленькое устройство могло ее защитить от разъяренного мужика.

«Дура. Красивая дура», – выбегая из квартиры, подумал Борис Петрович. Но быстро перешел на шаг. Одышка, да и штаны, как назло, неудобно врезались в живот и промежность. «Взрослый, опытный. Дура!» – Борис Петрович, разъяренный и неудовлетворенный, вернулся в контору.

Вызвал к себе хорошенькую секретаршу, недавнюю выпускницу. Она с равнодушием плюхнула чашку с растворимым кофе на стол и удалилась. Борис Петрович отпил глоток кислящего отвара и поморщился. Молоденькие девицы ослепли? Видят в нем обрюзгшего постаревшего дядьку, который, как напуганная баба, не справляется с эмоциями? «Да, нет. Показалось. Дуры они все. Эти тупые бабы».

Палермо, я все еще люблю

Он опоздал. Вера бродила по утреннему аэропорту, безразлично смотрела на восторженных туристов, мужчин в пиджаках с табличками в руках напротив входа прибытия, на французскую семью с тремя одногодками, которые по-цыгански расселись прямо на полу. Вера пять месяцев до мелочей прокручивала будущую встречу и не учла одного: он не придет вовремя. Она представляла, как двери терминала распахнутся, он стоит с большим стаканчиком капучино и букетом цветов, а он опоздал.

Они познакомились на тематическом форуме современной живописи. Бурно обсуждали Герхарда Рихтера и относится ли тот к гиперреализму. «Нет, у искусства единого стиля», – рассуждала Вера. «Нет, – спорил Алекс, – Рихтер – гиперреалист». Потом перешли на масштабные дискуссии: а нужен ли гиперреализм в искусстве при наличие цифровых фотоаппаратов и широкоформатной печати. Убедить друг друга не смогли, но переписываться продолжили.

Алекс живет в Техасе. В 13 лет родители эмигрировали в Америку: точно почуяли, что Союз вот-вот развалится. Алекс рано женился, но брак продержался меньше года. Через пару десятилетий мужчина настроился обзавестись настоящей семьей, растить детей, завести собаку и заполучить в жены русскую неизбалованную девушку.

Алекс пообещал Вере, что они увидятся, где и когда выберет она. И все будет так, как она пожелает. Вера грезила побывать на знаменитых итальянских музыкальных фестивалях. Они договорились встретиться в Палермо, а оттуда полететь в Рим на несколько дней.

Он оплатил билеты. Расходы на жилье договорились разделить пополам.

– Да разве он русский после такого?

– Что-то в нем не так, раз хочет от тебя каких-то денег, – хором завопили подруги на признания Веры о будущей поездке. И красноречиво возмущались, что новый возлюбленный вплеп ее в денежные вопросы, еще до знакомства живую.

Светка доразлила вторую бутылку Ламбрусски на троих и на последней капле, хорошенечко потрясая бутылкой, обратилась к Вере:

– Ты просто идешь на встречу, даже если эта встреча за тысячу километров. Все, что ты должна на первом свидании – это выбрать платье, накраситься, спуститься вниз до машины и выпить чашку кофе. Уделить несколько минут своего драгоценного времени. Это вообще не должно ни к чему обязывать. А ты тут уже вся обвязана-перекручена! – и Светка с грохотом упала на табурет.

Вера засопротивлялась.

– Девочки, он не богатый человек, – оправдывалась женщина. – Преподаватель, нет у него лишних денег.

Вера мотала головой, выскивая признаки понимания у подруг.

– Да сколько б ни было! – настаивали замученные опытом приятельницы. – Пригласил, значит, подписался на all inclusive, так сказать, «все включено», и ты не обязана с ним в долги влезать. Выпьем за это!

И неуступчивые дамы громко чокнулись хрусталем.

Вера решила в следующий раз делиться только тем, что не подвергнется жесткой цензуре, не вызовет истеричных женских воплей. «Буду говорить, как он обожает детей, мечтает о своих троих. Или, как мы обсуждали имена малышей, и в какую секцию предпочтительней водить этих самых гипотетических карапузов».

Они созванивались ежедневно. Вера быстро привыкла к сеансам видеосвязи и тщательно готовилась к каждому. Продумывала наряд, настраивала камеру, искала подходящий угол в квартире или офисе, где свет и ракурс выгодно подчеркивали достоинства ее молодежявого лица.

Он детально расписывал, как провел день. Вера улыбалась, разглядывая его в экран или получая коротенькие сообщения. Алекс называл Веру «моим человечком из коробочки». Говорил нежности – Вера смущалась. Ей не терпелось рассказать обо всем интересном, что с ней произошло за сутки, но он обычно не спрашивал подробности.

Он подошел сбоку, резко, встал перед ней и сунул цветы на вытянутой руке.

«Искал букет. Я не мог к тебе приехать без букета», – и Алекс чмокнул в щеку напугавшуюся Веру.

Вера замерла. Он был таким же, как на мониторе и многочисленных присланных фотографиях и видео. Только сутулился и шагал смешной пружинистой походкой, подлетая на секунду и опускаясь.

«Может, нервничает?» – умилялась Вера.

Они поехали автобусом до города. Вера внутри ощущала, как стонет и клоочет разбуженное желание, едва он прикасался к ней. И, как в кипящей лаве, ее сдерживаемая страсть к малознакомому мужчине маленькими каплями выплескивается и рвется наружу. Вера, не сопротивляясь порыву, «что мы дети, в самом деле», взяла руку Алекса, обвила вокруг своей шеи и довольная прижалась щекой к ладонке, поцеловав ее. Он поглаживал Верины волосы.

– Ой, как волосинки у тебя падают, – Алекс двумя пальцами держал перед собой коричневый волос.

– Да? – Вера интуитивно провела рукой по голове, ища новых дезертиров.

– Главное, чтобы они дома так не сыпались. Ненавижу женские волосы на расческе, меня прям до дрожи бесят раскиданные волосы, – с жаром выпалил мужчина.

– Поняла, – мягко улыбнулась Вера. – Буду прятать от тебя свою шевелюру.

И она полезла в сумку за резинкой для волос. Сплела тугую косу, замотала в пучок и намертво заколола резинкой.

– Я считаю, что нужно следить за собой, – продолжал Алекс. – Не разбрасывать свое ДНК повсюду. Ну, это личное.

– Без проблем, а другие у тебя странность есть? – дружелюбно поинтересовалась Вера.

– Да, это и не странность, в общем-то, а обычная здоровая гигиена. За своими волосами нужно следить. Кстати, тебе должна понравиться квартира, – неожиданно переключился Алекс. – Все, как на картинке. С хозяйкой расплатишься, когда она придет забирать ключи.

– Договорились, – и Вера чмокнула его в колючую щетину.

Алексей развернул девушку к себе. «Господи, как же ты красива. Не верится, что это личико из коробочки рядышком сидит. Был такой маленький человечек, а теперь большой и близко». Вера юркнула под плечо, обняла его живот руками, положила голову на грудь и смотрела отсутствующим блаженным взглядом на мимо проплывающий цветастый пейзаж.

Алекс был прав. Квартира была чистой, просторной, с видом на узкую мощенную булыжником улочку. Окна упирались в стену дома напротив.

Леша подготовился заранее: накупил фруктов, свечей, ароматизированных палочек. Суетился, носился по квартире и задавал уточняющие вопросы.

– Ты голодная? Устала? Тебе здесь нравится?

Вера обожала заботу, когда могла почувствовать себя под

защитой кого-то сильнее, чем она сама.

– Как хорошо, что я пораньше приехал. Все продумал до мелочей, – хвастался Алекс, доставая из супермаркетовских пакетов остатки провизии.

– Алеша... – Вера сидела на барном стуле, заморожено наблюдая за Лешиними стараниями.

– Лучше, Алекс, Вер, – перебил мужчина, не оборачиваясь. – Мне как-то привычней. Ну, или Леша просто.

– Да-да, Прости. Леш, что у нас сегодня по плану? – и она спрыгнула с табурета и обняла мужчину со спины.

– Прогулка под луной и ужин. В городе музыкальные группы играют прямо на улице. Здорово, да? Так что бесплатная программа нам обеспечена на все дни, – ликовал Алекс. – Бронь гостиницы в Риме я уже подтвердил, – аккуратно складывая вчетверо полиэтиленовый пакетик, вспомнил мужчина.

– Ты у меня такой молодец, – восхищенно пролепетала Вера, утыкаясь носиком в его крестец.

– Да, я такой, – и он повернулся лицом. – А теперь посмотрим на тебя и все, что ты так долго прятала.

Леша медленно стянул с нее кофту. «Какая прекрасная грудь», – констатировал мужчина. Веру разрывало от желания. Тянуло к Алексу, как только она увидела его в скайпе. Харизма, предприимчивость, мужественность затмевали мелкие промахи.

Он как-то упоительно рассказывал: «Ну, помнишь, об-

суждали недавно рассказ Довлатова про влечение». «Нет, я бы запомнила», – сухо отрезала Вера. Он перескочил с темы, но осадок остался. «Он с кем-то еще. Я у него не одна» и, как вовремя не удаленная заноза, рана гноилась.

Алексей был нежен в постели. Чересчур участлив, как неопытный врач на практике: «Так больно, так хорошо»? Его нашептывания резали тепличный Верин слух.

«Ты такая сладкая, такая аппетитная, такая вкусная», – причмокивая и тряся головой над ней, радовался Алекс.

«Будто он на дегустации французских десертов, а не в кровати с женщиной», – обиделась про себя женщина.

Но он был рядом. И Вере этого было достаточно.

Они поужинали в ресторане. Вера щебетала и хохотала, завидуя себе со стороны. Какие же они расчудесные! Ухоженная женщина на вид лет двадцати пяти (никто б не догадался, что в следующем году ей тридцать шесть) и плечистый величавый мужчина тридцати с хвостиком. Взъерошенные волосы, щетина двухнедельной давности, аккуратно подстриженная. Гармоничная пара, как с обложки светской хроники. «Звезды отдыхают в неформальной обстановке». Расслабленные и безупречные. От этих картинок показного счастья у Веры перехватывало дыхание. «Нашла! Это то самое?».

– У тебя, Вер, щеки горят. Любимый вспоминает? – съязвил Алекс, рассматривая ресторанный чек.

– Нет, это аллергия на бороду, – с искренностью в голосе

промурлыкала Вера. – У меня очень чувствительная кожа.

– Ну, тогда, – доставая из штанов портмоне с золотой пластиковой картой. – Мне нужно побриться, – ровным тоном заявил Алекс.

– Ты ради меня готов сбрить свою любимую бороду? – Вера вытаращила глаза и просияла.

– Еще и не на то готов, – и он жестом позвал официанта к столу.

Утром следующего дня Вера проснулась пораньше. Лежала в кровати и любовалась на спящего мужчину. Перевернулась, оперевшись на локоть, наклонилась и поцеловала его в надплечье. Алекс поморщился.

– Жаль, что это все-таки не отель, – пожаловался Алекс, не открывая глаз, – белье не поменяют.

– Леш, мы еще не успели его запачкать, – подмигнула Вера. – Я в душ.

– Ну да. Ну да, – Леша закивал, посмотрел, как голое тело проскользнуло в ванну, и прикрыл веки.

Мужчина немного поваялся, потом вскочил, сорвал простыню, выбросил с кровати подушки и одеяло. Он старательно стряхивал постельное белье резкими порывистыми движениями. Тоже проделал с подушками, обхлопывая их друг о друга. Перетряс одеяло, покрывало и заправил постель. Сходил за веником и подмел. Обрадовался, заметив в углу пылесос, и электрической шваброй прошелся еще раз по комнате.

До Веры доносился звук включенного пылесоса. «Странно, что затеял уборку с утра». Она проверила ванну на наличие нечаянно слетевших волос. Расчесалась, убрала расческу в косметичку. Оглядела внимательно, словно сканируя, сантиметр за сантиметром пол в ванной и раковину. Выдохнула, послала себе воздушный поцелуй и закрыла дверь.

Леша открыл банку кофе и высыпал на глаз в кружку.

– Решил убратся? Тут, вроде, чисто.

– Да, вроде, чисто, – интонацией выделив «чисто», согласился Леша.

– Собирайся быстрее, мне хочется курить, – добавил мужчина и вылил кипяток себе в чашку. – Будешь? – кивком указал на кофе.

– Нет, спасибо.

Вера прошла в комнату, взяла несессер, достала тушь и вернулась в ванну, подкрасить ресницы.

– Побыстрее, прошу, – недовольно пробурчал их кухни мужчина.

Вера выглянула с одним нарисованным глазом:

– Спускайся тогда. Я не очень люблю запах сигарет, ты знаешь.

– Да, да. Надо бы бросить. Но сигареты мне успокаивают, – Алекс прошел мимо, чмокнув Веру в лоб.

«Видимо, плохое настроение. С чего ему вдруг нервничать», – и Вера старательно принялась за второй глаз.

Влюбленные гуляли по городу, ели мороженое, смотрели

на достопримечательности и суетливых, без конца жестикулирующих итальянцев. Леша арендовал велосипеды, и молодые люди катались по окрестностям.

Женщина чувствовала себя в сказке. Три дня. Надоедливая песня примадонны, саундтреком настырно звучала в голове: «Ты счастливых дня было у меня, было у меня на берегу». На четвертый день были взяты билеты в Рим.

Вера отдала оговоренные 150 евро хозяйке и парочка ко времени поехала в аэропорт.

– Черт, Леш, у меня разрядился телефон, а тут божественно красивая церковь, и где были мои глаза раньше? Ты сфотографируешь на свой? – Вера скинула сумку на мощный булыжник тротуар и отбежала к собору. Леша приподнял Верины вещи, повесил на плечо и сделал несколько снимков. «И меня», – протягивая телефон, попросил мужчину.

Аэропорт был непривычно пуст. Влюбленные без очереди и суматохи прошли регистрацию. Времени до взлета оставалось с запасом, и они разместились в уютном зале ожидания. Вера читала «Русский пионер», который захватила из России. Леша уткнулся в телефон, обрадовавшись бесплатному вай-фаю.

Отвлечшись от очередной авторской колонки, Вера собиралась было что-то спросить, но взгляд уткнулся в экран Лешиного смартфона. Он отправлял свои фотографии, который только что наснимала она, Кристине. Тут же пришло сообщение от Алены.

Веру прошибло насквозь: «Я у него не одна». Похолодело внутри. Если душа имеет размеры, то Верина сжалась до размеров прогнившего яблока. От нахлынувшей боли Вера перестала дышать.

Замолчала.

Она всегда замыкалась от несправедливости, внутри, будто что-то перемыкало. Мысли появлялись, носились в хаосе, бунтовали, но она не озвучивала, не произносила вслух, как если бы кто-то перерезал голосовые связки.

Леша улыбался с нежностью, глядя в телефон.

Веру это добивало.

Они долетели в молчании. Вернуться к естественной беззаботности у Веры не выходило.

– Все хорошо? – отстегивая ремни безопасности, спросил Леша.

– Да, – соврала Вера, не смотря в его сторону. – Все отлично.

Отель был уютным. Комната чистой. Кровать широкая.

Вера беззвучно передвигалась по номеру, то забежала в ванну, то подходила к окну, словно не замечая присутствия любимого человека.

– С тобой что-то не так, Вер, – Леша присел на краешек постели, взял ее руки в свои. – Расскажи, что происходит?

Он лучился теплом и обеспокоенностью, какой-то искренней заинтересованностью, что хочет все разъяснить и разобраться.

Вера сдалась.

– Леша... Это глупость, конечно, – Вера крепко держала его руки, но чуть ерзала на идеально заправленной кровати, таращась на свои загорелые ноги. – Я не ожидала от себя такой реакции. Но меня задело за живое, когда ты отправлял свои фотографии девушкам.

– Ты копалась в моем телефоне? – Леша вздернул брови, быстро усмирив их.

– Нет, нет, – встрепенулась женщина. – Я на секунду взглянула, это вышло случайно, – уже не отрываясь, ловя каждый жест любимого, призналась Вера.

Он утвердительно и понимающе покачал головой.

Вера говорила медленно, подбирала каждое слово, будто отсматривая, как придирчивый покупатель на рынке, и потом, удостоверившись в его ценности и пригодности, производила вслух.

– Я думала, я что-то особенное в твоей жизни. Мне этого хочется. Думала, что я кто-то уникальный для тебя. А ты так улыбался в телефон. Меня задело. Зачем я рядом здесь, если тебе приятней кто-то другой там?

Леша продолжал кивать.

– Знаешь, я понял, – и он выпустил ее руки. – Мне нужно пройтись.

Встал и захлопнул за собой дверь.

Вера просидела в оцепенении несколько минут, не понимая, как очутилась в этом гостиничном номере.

Через час она доползла до ванны и умыла лицо. Взяла журнал, буквы плыли без смысла перед глазами. Вера выглянула на улицу: «Сидеть здесь или идти его искать?», не понимая, как продолжать дальше одной в незнакомом городе.

Вера крутила в руках безжизненный телефон.

Леша написал через три часа.

«Это начинает напрягать, буду откровенен».

Вера отбросила телефон, будто заразный.

Отдышалась и медленно притянула аппарат к себе, удостовериться, не показалось ли ей. Телефон высвечивал тоже сообщение: «Это начинает напрягать, буду откровенен».

«Когда ты придешь?» – напечатала Вера.

Женщина держала мобильник в руке, сверля взглядом дешевую гостиничную портьеру. Он ответил через три бесконечные минуты.

«Не скоро. Мне нужно прогуляться. И знаешь. Я считаю, что ты злоупотребляешь моим вниманием. Высказываешь претензии, которые я вообще не рассчитываю обсуждать. И речь не о том, озвучиваешь ты их или нет. А о том, что они, в принципе, есть. Это для меня неприемлемо. Поэтому предлагаю оставшееся время провести в нейтральной дружеской обстановке. И не касаться более этих вопросов. Со своей стороны я не буду тебя травмировать, пользуясь телефоном в твоём присутствии. Кстати, с недавних пор его содержание имеет к тебе касательство, к счастью, мы можем позволить оставить это небольшой загадкой».

Вера выронила телефон и обхватила голову руками.

Она настрочила несколько сообщений в духе «давай, пожалуйста, все обговорим». Он промолчал.

Алексей вернулся через два часа. Отстраненный и не улыбочивый.

– Лешенька, где ты был? Пожалуйста, мы можем поговорить? – бросилась с вопросами Вера.

– Я не должен отчитываться, где я был, что делал, – снимая кроссовки с пятки, отбарабанил мужчина. – Что и кому пишу, кстати, тоже.

– Прости меня! Конечно, ты можешь делать все, что захочешь. – Вера юлила рядом, пытаясь поймать его блуждающий взгляд.

– Знаешь, я был удивлен этим. Просто не ожидал. Мы разные, Вер. В общем-то, мне это было известно заранее. Прости, что обидел и задел. На этом данный разговор полностью исчерпан.

Он легонько отодвинул Веру в сторону и прошел вглубь комнаты.

Вера попыталась обнять его. Он отстранился.

– Пожалуйста, прости меня. Я глупо приревновала. Скажи, как я могу это исправить?

– Легко. Просто прекратить дискуссию, – рявкнул, не обращившись, Алексей.

Он достал чемодан, открыл и усердно взялся что-то там искать, вороша и отбрасывая вещи, не замечая стоявшую ря-

дом Веру. Изрядно покопавшись несколько минут, мужчина нашел зубную щетку и отправился в душ.

Вера металась по комнате, как в смертельной агонии. Это все не с ней. Так не должно было случиться. «Все пошло не так. За одну фразу, за один проступок? Как исправить?».

Через четверть часа шум воды в ванне прекратился. Вера караулила под дверью. Алекс равнодушно прошагал мимо женщины и лег в кровать.

– Поговори со мной? – Вера встала у изголовья.

– Ты меня не слышишь? Давай проведем оставшееся время, общаясь по-светски, – злобно буркнул мужчина.

– Я не хочу по-светски. Я хочу душевно, как раньше, – сквозь первую слезинку прошептала Вера.

– Все. Я спать. – Он отвернулся и закрыл глаза. Вера легла рядом, прижалась телом.

«Спи нормально», – выпалил Алексей, отодвигаясь на край постели.

И до утра не произнес ни слова.

Вера прикрыла веки ладонями, этот жест всегда ее немного успокаивал: «Это обрыв. Я лечу вниз».

Вера не спала, заморожено смотрела на затылок уже невозможного своего счастья. Занесла руку над его плечом, но не решалась дотронуться. Прошло несколько минут в метаниях. Решилась. Дотронулась. Он вздрогнул, стряхнул плечом, будто туда села надоедливая муха.

Алексей не обнимал. Не ластился, не искал в темноте, как

все предыдущие ночи.

Вера ворочалась с боку на бок, заставляла себя чуток вздремнуть, но в голове назойливым эхом отдавалась: «Пусть у него все будет хорошо. Боженька, пусть у него все будет хорошо». И никакого сна.

Утром есть надежда что-то исправить.

Вера стянула с себя трусы и майку, пробралась под одеяло Алексея. Взобралась сверху. Положила его руки на свою грудь. Поцеловала за ухом, в шею, языком провела по соскам, спускаясь ниже. Извиваясь, как тряпка на флагштоке в ненастье, трепетно ласкала его. Мужчина безучастно лежал. Не реагировал и не сопротивлялся. У Веры затекла шея, распухли губы, свело челюсть. «Господи, да что с ним, – Вера приподняла голову от его живота. – Он не хочет меня».

Любовь к себе победила борьбу за любовь мужчины. Вера натянула майку и побежала в душ. Вернувшись, увидела, что бывший поклонник содрал простыни и перетряхивает белье. Вера молча наблюдала, подпирая стену, за привычным утренним ритуалом.

«Прятала расческу и следила за ванной, а они, оказывается, сыпятся и во сне. Это я упустила», – съехидничала про себя женщина.

– Леша, пожалуйста, не наказывай меня, – Вера качнулась от косяка в сторону любимого.

– Вера, прекрати, мы вчера все обговорили, – сквозь зубы процедил мужчина.

– Нельзя наказывать за чувства! Это несправедливо. Я приревновала. Это ужасно глупо. Не знаю, что на меня на-
шло. Такого больше не повторится.

– Дело не только в этом, – Алекс не разворачиваясь и за-
мывшись на пару секунд, выдавил. – В тебе много драмы,
а мне сложности сейчас ни к чему.

– Но ведь было же притяжение! Я это почувствовала, как
только заговорила с тобой, – Вера оббежала кровать, чтобы
разглядеть его лицо в момент последних признаний.

– Да, ты мне нравишься. Но между нами не работает. Од-
ной симпатии мало. Что ты тут надеялась приехать и встре-
тить свою великую и единственную любовь? – вызывающе
выкрикнул мужчина.

Вера робко пожала плечами.

«Какая же я дура. Придумала мечту, выстроила в голове
и поверила. Мечта оказалась несбывшейся». Аргументы за-
кончились. Вера немного постояла в молчании, наблюдая,
как Алексей тщательно натягивает гостиничное покрывало.

Леша достал чемодан и демонстративно занялся его пере-
бором.

– Я смешная, хохочу, шучу постоянно. Веселая. Я воспри-
няла тебя серьезно. Это была моя ошибка, – будто опомнив-
шись, заговорила Вера. – Но я легкая, пожалуйста, дай шанс
показать тебе свою солнечную сторону.

– Верю, что можешь быть озорной и задорной. Но этого
мало. Слишком многое против, – не открываясь от сумки,

сознался Алексей.

– Я так не могу, – разревелась Вера. – Мне не пережить еще одну ночь равнодушия.

Вера плакала, не останавливаясь. Американец то смотрел на нее, то отходил в ванну. Его раздражала ее слабость и свое бессилие. Вера схватила сумку и закидала те вещи, что успела вытащить.

– Я пойду, Леш, – с чемоданом в руках на пороге объявила женщина.

– Куда? – оторопел Алекс. – Нет, давай я. У меня английский лучше. Я быстро найду отель. А тебе все равно платить за номер. Так что я съеду.

Он за пару минут собрался, радуясь, что напряженные сцены не будут ему докучать до конца отпуска. Подошел, чмокнул в щеку и захлопнул дверь.

«Схлопнулись, Вера, ваши надежды», – и женщина упала лицом в кровать, пытаясь заплакать.

Вера бродила по Риму три дня, в надежде случайно наткнуться на него. В одно и то же место судьба не забрасывает дважды.

«Разве я буду счастлива с мужчиной, который заставил меня страдать? Нет! Я не заслужила такого. Я к нему всей душой тянулась, а у него не шелкнуло».

Вера то злилась, то безоговорочно оправдывала несостоявшегося мужа и отца будущих троих детей. «Одним поступком поставил крест на отношениях... Любящий мужчи-

на прощает. Дает шанс. Да, тысячу не жалко отдать тому, кого любишь и не хочешь потерять. Значит, не дорожил. Вырубил. Вычеркнул из жизни. Глупая, ждала от него предложения, а выставили за дверь, как провинившегося пса».

Итальянцы насвистывали, бросая вслед безобидные «Оля-ля». Вера вжимала голову, будто напуганный ребенок перед родительским гневом, и ускоряла шаг. Она искала в толпе Лешу.

«Господи, что же я девочкам скажу?» – мысли каскадом вертелись в голове.

Вера ждала его в аэропорту.

«Мог бы проводить, это было бы по-человечески. Можно же все исправить. Где допустила ошибку? Я допускала их постоянно? Требовала? Почему была грузной, тяжелой, мало смеялась. Я думала, что нравлюсь такая, как есть. Я сложная. У двух сложных людей могут быть легкие отношения?».

Вера долго глядела на вход, топталась, не решаясь пройти за красную линию.

«Вот еще немного подожду. Мне так легче. Людям живется проще, когда есть надежда. Бога придумали, чтобы люди не сходили с ума. Я верю в Бога и в то, что он позвонит, придет, успеет».

Вера прошла формальный досмотр, купила бутылку Бейлиса в дыюти-фри и незаметно выпила перед посадкой. Внутренние диалоги зазвучали настойчивей.

«Не все клеилось, согласна. Но он верит в трещинки

и в невозможность все поправить, а я верю в цемент. Да, были трудности в общении, но все преодолимо, если есть желание быть вместе. У меня оно есть, а он решил, что ему не нужно. Я была рядом, а он оттолкнул меня, не стал разбираться, принял решение не продолжать».

Вера заплакала, когда поняла, что никто ее не окрикает в последний момент, никто не попросит остаться. Пьяная и несчастная она под села к женщине, которая невнимательно слушала Верины жалобы: «Я хорошая, а меня не полюбили, отвергли, понимаете?». Объявили вылет. Вера побежала по трапу. Сумка с лучшими платьями, так и осталась на сиденье.

Москва встречала дождем. Вера добралась до квартиры и сутки не выходила на улицу. «Реву, жалею, жду – хорошенький итог поездочки», – иронизировала Вера.

На работе срочно требовали «незаменимую Веру». «Карьеру лучше удастся строить, чем личную жизнь», – подбадривала себя Вера и вернулась в рабочий строй.

Рим не отпускал. Надо было найти сумку и вернуть обратно. Вера написала в службу забытого багажа. Через три дня подтвердили: вещи нашлись. Женщина разыскала туристов, которые возвращались обратно в Москву. Договорилась с ними, приехала в аэропорт и заплатила за неудобства счастливой паре молодоженов, которые только что отметили в Италии первый медовый месяц.

Сумка была рядом. Голова не трещала. Душа побаливала.

Вера периодически залезала на страницу несостоявшегося жениха в соцсетях, всматривалась, прокручивая сцену в гостинице. Придумывала монологи, перечитывала переписку и ждала.

«Зачем истерила? Доказывала, что все можно наладить. Чем больше стараешься показать свою адекватность, тем глупее выглядишь. Он бы не поменял решение».

Вера вспомнила свою далекую первую любовь и их дикие ссоры. Она тогда для себя решила: когда люди ругаются, значит, есть что обсуждать. Темы для споров – признак жизнеспособной семьи. «Громче ссора – живучей пара». А ушел тот без объяснений. «Когда молчат оба, не за что больше держаться, нечего выяснять, нечего спасать», – заключила Вера.

В выходные в гости с вином и сыром завалились друзья.
– И хорошо, что поехала, – наперебой завопили женщины. – Сразу понять твой человек или нет, надо побыть рядом, чтобы потом не было иллюзий. Если думаешь, что стерпится – ни фиги. Не стерпится.

– Девочки, но я была строгая, скучная, мрачная. Я придиралась, нудила, – запротестовала Вера.

– Не надо заниматься самоедством, нужно двигаться вперед. Отряхнуться и вперед без оглядки. Надо мыслить глобальнее. Не тот, значит, будем искать с перламутровыми пуговицами. А у этого явно другие планы на уме. Или ты надеешься убедить его полюбить себя? – заверещала намалеванная дама с неудачно наращенными ресницами.

– Ты сильная. Все хорошо, грех жаловаться. Небольшая неприятность и давай, двигайся дальше. Ты стоишь на пороге огромных перемен, мироздание дает очередной шанс, а ты в него вцепилась, будто он последний, – зафилософовала другая искусственно улучшенная приятельница.

– Да, выпьем за женскую силу.

Подруги чокнулись бокалами.

– Есть два «нельзя» в отношениях, – продолжила густо наштукатуренная. – Первое – нельзя насильно притянуть за уши любовь. Любовь не терпит давления и агрессии. Забудь о том, чтобы заставить себя полюбить. Чтобы кто-то увидел достоинства, ум, красоту, глубину. В общем, все, что в тебе есть прекрасного. Это уже есть. Не надо умолять человека быть с тобой. Не поможет. Глупо это и только отталкивает. Это как надеть неудобную обувь и надеяться, что можно танцевать, не прихрамывая. Боль отразится на лице. Но при этом надо оставаться легкой, даже когда настроена серьезно. Серьезные отношения не запрещают улыбаться.

Две подруги, не моргая, уставились на захмелевшую подругу, в которой открылся философский дар:

«Второе „нельзя“. Нельзя иллюзиям сбить с пути настоящего и реального. Мужчины – это не целый мир, это лишь часть жизни. Не бОльшая и не лучшая, а взаимозаменяемая. Нельзя рассматривать мужчину, даже понравившегося и полюбившегося, как убежище. Просто не надо. Запомни: это ты выбираешь, а не они. И это твое решение – уйти. И дви-

гаться дальше».

И вся троица звякнула наполненными бокалами.

К ночи пьяные и довольные подруги разъехались по мужьям и детям. Вера осталась одна.

Вера ищет ответы на болезненные вопросы: «Вера, вот скажи, почему я одна?» и честно отвечает: «Ты космическая, поэтому у тебя ничего не получается с земными мужчинами».

У 35 летней незамужней женщины вырабатывается железное терпение, боевая выдержка и надежда. Ждать. Ждать. Ждать. Надеяться. Иногда действовать или бездействовать – это тоже активный шаг.

Через месяц Вера заметила: в друзьях стало на одного человека меньше.

Палка

Полина терпеть не могла эту палку. Та была трехметровая, тяжелая, ее невозможно было затащить или вытащить из подъезда с первой попытки: палка ударялась о входную дверь, застревала в проходе. Полина материлась, толкала ногой дверь, протаскивала деревянный шест, удерживая таз с бельем и прищепками. Но каждый раз добросовестно выносила и вносила палку во двор. Развешивала постиранное, подпирала палкой. Белье сохло быстрее и не волочилось по земле. Палка была нужной, но жутко неудобной.

Палка была не то, что старше Полины, скорее ровесницей ее матери. Семейная реликвия досталась той еще от бабушки. «Единственное наследство», – смеялась женщина. Три квартиры и одну съемную сменили, а палка переезжала как член семьи.

В один год матери надоело затаскивать булдыгу в подъезд. Появились внуки в доме, стирки прибавилось. Бывало, запускали две машинки белья за день. Бегать с тазами туда-сюда и палкой – маме стало лень. Она оставляла деревянную помощницу во дворе и на ночь. Через неделю палку украли.

Полина честно ненавидела палку, но стало чертовски обидно, будто отобрали что-то ценное, своровали воспоминания. «Да кому вообще могла понадобиться эта гигантская бельевая палка?». Полина на столбике повесила объявление

ние с призывом: «Люди, верните палку, дорога как память». Но палку никто не вернул. Ни через день, ни через неделю.

Белье сушилось дольше. Девушка бегала по соседним дворам и искала пропажу. Но в центре города белье почти не сушат на улице и точно не подпирают артефактами из советского прошлого.

Возвращаясь вечером, Полина заметила длинный незнакомый предмет недалеко от дома. К столбу, где висели бельевые веревки, кто-то приставил палку. Она была из свежего сруба. Маленькая, легкая, с зазубриной внизу и вырезным уголком сверху, чтобы легче поддевать веревку. Полина схватила палку и помчалась домой. Написала новое объявление, запечатала в прозрачный файл и прикрепила к столбику – «Спасибо за палку. Доброта спасет мир!». На благодарность никто не откликнулся. Ни через неделю, ни через месяц.

Приходится здесь.

Говорят...

Говорят, знаки преследуют.

Чуть пасмурней утро, чуть крикливее птицы, чем обычно. Листья взметаются навстречу, будто преграждая путь. И вечно спешащие прохожие вдруг бросают на тебя озабоченные взгляды. Предчувствие срабатывает. Ты обязательно заметишь знак и предотвратишь несчастье. Не сядешь в тот самолет, в ту машину, не спустишься на ту самую станцию метро.

Бог решает кого-то отвести от беды, а кого-то привести, посадить и отправить тем рейсом?

Почему одни слышат эти голоса? Чувствуют потусторонние сигналы, и решаются выйти из самолета за минуту до взлета, а кто-то взмывает вверх и не долетает до пункта назначения.

Или этим оставшимся, не посылают знаки? Ни единого? Их ангелы-хранители решают промолчать и забрать к себе?

Раннее утро. Отдых подошел к концу. Вещи собраны накануне. Я еще раз все проверила. Дочери заспавшиеся поплелись на завтрак. Катя и Маня, три и два годика. Надо было взять с собой папу. Все-таки отдых с такими малютками мало похож на развлечение. Семья друзей – Настя и Саша, с мальчишками Женей и Колей – пяти и восьми лет – в полном составе ожидали на ресепшене. Дружные ребята, душевные. Люблю их очень.

Погрузили вещи в автобус. Приехали в аэропорт, попрощались с гидами, поблагодарили за радушный прием. Прошли регистрацию и паспортный контроль. Несуетливо и размеренно. Удобный прилет в 12 часов, но жутко неудобный вылет, почти в 7 утра. Народ сонный и хмурый.

Кто-то делал селфи, кто-то беззаботно фотографировал друг дружку у трапа самолета, писал в твиттер и выкладывал видео в сеть. Через 4 часа будем на родине, «Мы летим домой», встречайте!

Я обычно настороженно относилась к статусам и размещенным снимкам в последнюю минуту. Кто-то обязательно будет искать в этом подтекст, мистическую подоплеку, если что-то случится. Теперь думаю, почему и нет? Они счастливы, восторженны, хотят поделиться с близкими и посторонними. Пусть другие знают, что им тогда было хорошо.

Я люблю море, но, наверное, плохо формулирую желания, потому что живу не у теплого. Но в этот раз я устала, вымоталась от такого количества детей на отдыхе. Мне хотелось тишины и покоя.

Я усадила девочек у иллюминатора. Пристегнула их. Дочки зевали и капризничали, терли глазки, им хотелось спать. Я погладила малышей по голове. «Закрывайте глазки, попробуйте вздремнуть». Катя сбивчиво рассказывала, щебетала о чем-то своем, я не пыталась ее понять. Маня тоже лепетала на неразборчивом птичьем. Я объяснила дочкам, что сейчас мы поднимемся, пролетим немножко, позавтракаем, потом

опустимся на землю и окажемся дома, в аэропорту, где нас будет встречать папа.

Стюардессы традиционно показали, как пользоваться масками и где находятся аварийные выходы. Меня всегда это информационная демонстрация больше раздражала, чем пугала. В панике при крушении она бесполезна: кто ей воспользуется? Кому пригодятся эти знания?

Мы благополучно взлетели. Включилось табло «отстегните ремни». Девочки почти заснули.

Пробежали стюардессы по проходу. Несколько раз. Шмыгнули туда-обратно. Я ничего не заподозрила. Но всмотрелась в лицо одной из девушек и почувствовала приближение чего-то страшного. Мы переглянулись с Настей и Сашей. Саша подошел к бортпроводнице, спросил, что происходит. Она попросила вернуться его на место.

Самолет тряхнуло. Люди начали громче переговариваться. Зажглось табло «пристегните ремни».

В дальних рядах кто-то из детей разревелся. Самолет резко снизился. Дочки проснулись. Я обняла их, сильно прижала к себе.

«Все хорошо, мои милые, все хорошо».

Слышны молитвы, крики о помощи, детский плач.

Я жду, что командир из громкоговорителя успокоит, скажет пару ободряющих фраз про турбулентность, но ему, видимо, не до этого.

Самолет пикирует.

Крепче держу девочек и молюсь.

«Господи. Помоги, спаси их, прошу тебя. Умоляю, пожалуйста. Они такие крохи. Они должны жить».

Выпали кислородные маски. Я надела на себя и детей.

Я хотела дотянуться до телефона и написать мужу: – «Мы тебя любим. Живи». На всякий случай. Но малышки стали спрашивать, теревить меня, пытались снять маски. Я сильнее обняла девочек, сжала в руку крестик. За крестики все хватаются, как за спасительную соломинку. Я как-то читала, что погибших в авиакатастрофах находили с крестами в зубах, руках, с прожженными обуглившимися метками на теле. Это им не помогло. Но они верили до темноты.

Всегда думаешь, что такое случается с другими и далекими. Верить, с тобой-то и близкими ничего подобного не произойдет.

Надеешься, что твой ангел-хранитель предупредит, подаст знак. Бог такого не допустит.

Мне хочется тишины. В салоне самолета хаос. Я хочу, чтобы дочери этого не видели. Хочу защитить их от человеческой слабости.

Людская паника. «Мы все умрем». «Господи, умоляю, я хочу жить».

Яростно орущих в пустоту немного, несколько человек, но они ощутимы. Кто-то уже сдался, бесшумно свернулся в позе эмбриона на кресле.

Малышки режут вздох, я пытаюсь их успокоить, а сле-

зы предательски капают. Как им объяснить, что Бога сейчас нет. В этом самолете. Он пропустил наш рейс, и мы летим не домой, а на небеса.

Видимо, Бог не может быть в нескольких местах одновременно.

Сколько минут или секунд осталось. Как ими распорядиться? Бросаю взгляд на друзей. Они обнялись, намертво прилепились друг к дружке. Саша обхватил своими большими руками детские головки ребят и что-то нашептывает. Вижу, как дергаются его скулы и поблескивают щеки. За криками не разобрать слов. Их мальчишки взрослые, все понимают. Они спрашивают отца: «Мы падаем, папа? Папа, папа!».

«За что?» «Помогите!» – истерика неизвестности.

Я вглядываюсь в личики дочерей. Это самые красивые малышки на планете. Я никогда не видела столь совершенных нежных созданий. И мне очень повезло, что я мама таких умных, добрых, смысленных девочек. Голубые глазки, на ресничках застыли слезки. Легкий загар, выжженные солнцем волосы. Они безупречны.

Как я не уберегла их? Как Бог допустил это?

Я вижу приближающуюся землю. Резким движением закрываю окно иллюминатора. Прижимаю дочерей к себе, ладонями прикрывая их мокрые глазки.

Мысль бьется в голове – «Что он будет делать без нас? Переживет? Как родственники будут жить дальше?».

Хорошо, что мужа не было. Только почему его ангел-хранитель предупредил. А наш промолчал?

«Я вас люблю, я вас очень люблю. Все будет хорошо, мои любимые девочки, все будет хорошо».

Зачем я тебе?

– Ну, вот зачем я тебе?

– Не знаю. Просто сиди рядом время от времени. Молчи.

Хочу, чтобы ты была рядом.

– У меня четверо детей, Петенька, четверо! Муж... Зачем тебе все это?

– А я тебе зачем?

Таня замолчала, отвернулась и уставилась в окно. На улице было пасмурно, небо походило на застиранную белесую тряпку. Оставалась неделя лета по календарю, но осень решила прийти пораньше и по-хозяйски срывала листья с деревьев, моросила дождем. Таня соскучилась по солнцу, ей хотелось посмотреть на небо и увидеть просвет. Как в жизни, скромный лучик, надежду на то, что скоро все наладится, рассосется. Надо только переждать непогоду. Ничего не делать, ничего не решать: ждать, когда выйдет солнце.

– Мне пора...

Таня выпрыгнула из машины и пошла дворами до дома. Таня ненавидела осень. Осенью она чувствовала себя беззащитной. Погода сомневается, то дождь, то теплое согревающее солнце. А Тане нужна ясность, чтобы все понятно, никаких изматывающих метаний. Как пристыженный кот, который жметя в укромное место от хозяйского недовольства за проделки, так и Таня старательно загоняла себя в угол на-

вязчивыми: «Что мне с ним делать?» и «Я замужняя многодетная дама, мне нельзя».

Запретить нельзя любить. И кто знает, как правильно не ошибиться со знаками препинания. Не видеться? Да, пожалуйста. Удалять номера телефонов, просить не звонить, не напоминать о себе – да, ради Бога. Труднее прекратить любить самому. Любовь можно вырубить ударом под дых признанием: «Я встретил другую», или чем-то тяжелым, вроде, непримиримых недостатков. Но и тогда любовь оклемается, подлечится и будет жить по назначению. Она очень живучая, если это настоящая любовь.

Таня впервые осознала, что любит. Ей это понравилось. В прошлом всегда чего-то недоставало: она много – ее мало, или она никак – к ней всей душой. А тут гармония.

Петя – взрослый, на пятнадцать лет старше, таксист, обычный мужчина. К нему и не присмотришься, пока не заговорит. Таня тогда мчалась к детям в середине рабочего дня. Позвонили из сада, сказали, пятилетний Коленька заболел. Она сорвалась, рванула к ребенку. По дороге набирала мужа, чтобы пришел пораньше в сад. Петя как-то искренне посочувствовал ей и деньги отказывался брать. Она все равно оставила и выскочила из машины.

У Коли была температура под 40, она с воспитательницей и нянечкой одели ребенка.

– А Вова как? – уже в дверях спросила Таня.

– С ним все в порядке, – успокоили женщину.

– Хорошо, его муж заберет вечером.

Таня вскинула мальчика на руки и понесла. Машина так-си стояла на том же месте. «Наверное, ждет заказа, раз не уехал», – машинально подумала Таня.

Петя выбежал навстречу.

– Я помогу, он тяжелый. Вы где живете? – и попытался забрать ребенка из Таниных рук.

– Да, мы недалеко тут, я сама, – отшатнулась от него женщина. – Спасибо

– Перестаньте отказываться. Я довезу и помогу.

Коля и, правда, был неподъемный, у Тани окаменели руки. Она передала сына таксисту. Он аккуратно уложил малыша на заднее сиденье. Таня села рядом.

«Налево, тут тоже налево, теперь направо. Да, вот этот подъезд со скамейками», – командовала женщина объявившемуся герою.

Петя вытащил ребенка из автомобиля с той же родительской заботой. Таня бежала впереди и открывала входные двери. Они зашли в квартиру. Таня кинулась раздевать мальчика.

– За какими лекарствами сходить? – таксист стоял на коврике, не решаясь сойти на безупречно чистый пол.

– Я не знаю, что с ним. Сейчас вызову врача. Спасибо вам большое за хлопоты.

Женщина отнесла ребенка в кроватку, выбежала на кухню, схватила коробку с медикаментами и умчалась обратно

в детскую. Петя топтался в коридоре, переминался с ноги на ногу.

– Дала жаропонижающее, – будто оправдываясь, проговорила Таня.

Он протянул руку.

– Петр. Очень приятно.

– Татьяна, – выдавив подобие улыбки, произнесла женщина. – Спасибо за помощь, Петя.

– Вы знаете, я почти всегда за рулем мотаюсь. Я оставлю вам телефон, если нужно будет, вы в любое время звоните. Не стесняйтесь. Договорились?

Он порылся в кармане и достал оттуда самодельную визитку на обычной бумаге и протянул Тане.

– Да вы что! И так много для нас сделали. Спасибо еще раз.

Закрыв за ним дверь, женщина бросилась набирать врача, мыть руки, проверять сына. Только, когда пошла открывать мужу, заметила на обувной полочке деньги. Петя не взял за вызов.

Таня суежилась весь вечер. Таксист не выходил из головы.

«Какая же я дура? Незнакомого мужика в дом впустила! А если бы он дал по голове и ограбил? Хотя он же не частник, номер есть в базе, мне его такси прислало. Быстро бы нашли. Зачем он вызвался помогать? Я что так ужасно выгляжу, что мне требуется помощь?».

– Таня, что с тобой? Где витаешь-то? – проворчал муж,

доедая ужин.

– Здесь я, задумалась, – и подскочила из-за стола к раковине, мыть посуду.

– Вид у тебя, будто влюбилась, – расхохотался муж.

– Сереж, глупости не говори, – шутя, махнула рукой Таня.

– И не буду. Кто в тебя влюбится, чудо мое сто килограммовое.

Сережу эта шутка веселила. Он обтер испачканную в гуляше руку о майку, поднялся из-за стола, оставив тарелку там же.

– Не сто во мне, а 80! – крикнула вдогонку Таня. – А в тебе все сто десять.

– Я мужчина хоть куда, – запел муж, покачиваясь в такт песенке, и довольный отправился смотреть телевизор.

За одиннадцать лет совместной жизни Таня научилась не замечать. Плохого настроения мужа, его поддевок, своего лишнего веса. Главным оставались дети и их благополучие. И за десятилетие материнства она так и не приспособилась к вечным детским болячкам. Как только кто-то из ребят чихал и кашлял, у Тани внутри все обрывалась, она чувствовала полную материнскую несостоятельность. Кажется, отдала бы собственное здоровье, только бы градусник показывал стабильные 36.6, из носов не текло, изо рта не брызгало и не чихалось. Муж в приказном порядке отдавал распоряжения, как лечить детей, и ложился спать. Таня сидела у кроваток и молилась, чтобы малыши быстрее поправлялись.

Таня выучилась жить в режиме нон-стоп. Детсад – работа – детсад – магазин – готовка – подготовка ко сну – сон – сад. Болезни детей, к ее ужасу, на несколько дней давали крошечные послабления в распорядке. Потом белка занимала место в своем колесе.

Коля удивительно быстро вылезился и через несколько дней вернулся в группу. Таня благополучно с утра отвела близнецов Колю и Вову в садик. По дороге на работу опомнилась, что забыла дома книжку с рецептами, которую обещала подруге, и вернулась обратно. У подъезда ждал таксист.

– Я вам пишу всю неделю. Почему вы не отвечаете? – без «привет» выпалил Петр.

– Привет, – ошарашено уставилась Таня. – Я не видела. Обычно в телефон редко заглядываю.

– Как ребенок? – по-отечески строго продолжал мужчина.

– Все хорошо, спасибо.

Таня молчала. Таксист выглядел взволнованным, но сдерживался, держал руки в карманах, чтобы она не уличила, как он перебирает монетки и теревит пальцы.

– Я пойду? – и Таня нерешительно шагнула к подъезду.

– Если вам на работу, я довезу, – испытующе глядел таксист.

– Нет, я сама, спасибо.

– Мне по дороге, – настаивал мужчина.

– Вы знаете, где я работаю? – испуганно прошептала Таня.

– Да, я оттуда вас забирал.

– Точно, – с облегчением выдохнула женщина. – Все-таки не надо. Я сама. Пока, Петя.

Она обошла его справа, открыла дверь и юркнула внутрь. Поднялась наверх, взяла тетрадку, спустилась. Петя ждал там же. Они без слов дошли до его машины и поехали на работу.

В салоне играла музыка, ненавязчиво и спокойно. За окном царствовало лето. Таня улыбнулась попутчику, он в ответ. Приятно молчать с близкими.

– Можно я вас встречу? – осторожно попросил мужчина.

– Петя, ни к чему это, – без тени кокетства ответила Таня.

Она вышла из машины с ощущением, что он ее не слушает.

Несколько раз за день Таня выскакивала из-за компьютера и выглядывала в офисное окно. Он подъехал в пять тридцать. Таня ликовала. Она не могла себе объяснить, почему так обрадовалась, увидев его снова. Женщина спустилась в 6.10 и села в такси. На переднем сиденье лежала роза.

– Петя, не надо сюда приезжать. Разговоры начнутся.

– Я понял. Как день прошел? – воодушевленно спросил таксист.

– Спасибо, хорошо. Как твой?

– Без происшествий, – игриво подмигнул Петр.

– Кстати, а кто ребенка забирает из сада? – Петя заводил машину и на этом вопросе отвернулся от нее.

– Детей... – уточнила пассажирка.

– У тебя двое? – с удивлением уставился на нее таксист.

– Четверо, – без заминки и скромности выпалила Таня.

– Серьезно? – и он наклонился к ней поближе, греша на тугоухость.

– Нисколько. Две девочки, десяти и семи лет и мальчики близнецы пяти лет.

– Молодец ты... – расплылся в улыбке мужчина. – Мы с женой только на одного за 50 лет решились.

– Муж всегда хотел мальчика, – холодно отрапортовала Таня.

– Ясно, – и Петя машинально покачал головой в знак согласия.

Таня поежилась от воспоминаний. Две девочки подряд. А муж не унимался, «Роди наследника». Она так не боялась страшных патологий, как на узи услышать приговор: «Поздравляем! У вас будет девочка». Заранее пыталась донести до Сергея, что дело в генетическом коде: только мужчина несет ответственность, кто появится. Брала мужа на консультацию к врачу-гинекологу, которая терпеливо объясняла: «Яйцеклетка содержит X-хромосому, а сперматозоид и X и Y. Совпадет пара XX – будет девочка, XY – мальчик», только «вся эта научная ересь», по Сережиным словам, его мало волновала, нужен был результат – мальчик.

Боги услышали Таню хором и подарили двух детей на одно лицо. Сергей жену на выписке встретил словами: «Перестаралась ты, мать, я одного просил. А ты двух одинаковых

умудрилась родить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.